

ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ
**COSTA
AWARD**

**ФРЭНСИС
ХАРДИНГ**

**ДЕРЕВО
УЛЖИ**

ФРЭНСИС
ХАРДИНГ

ДЕРЕВО

ЛЖИ

TREND
BOOKS

 CLEVER
•ИЗДАТЕЛЬСТВО•

ОТЗЫВЫ

Помню, как несколько лет назад я читал «Королевство запретных книг» — абсолютно оригинальную историю с потрясающим антуражем и закрученным сюжетом. Фрэнсис Хардинг снова это сделала в «Дереве лжи» — превосходном романе, который написан для подростков, но увлечет и взрослых. Это современная классика...

Books Monthly

Это исключительный талант, который займет достойное место в литературе.

www.booksforkeeps.co.uk

«Дерево лжи» — захватывающее чтение для каждого подростка, которого одновременно волнует и пугает мир возможностей, открывающихся перед ним во взрослой жизни.

INIS Magazine

По мере того как эта завораживающая книга движется к развязке, каждая страница излучает все больше тайн, волнует и не отпускает.

www.booktrust.org.uk

Хардинг пишет энергично и живо.

The Times

Хардинг — писательница с огромным талантом, неутомимым воображением и богатым, выразительным языком.

Guardian

Насыщенный, сложный и умный текст: блестящая, увлекательная история о восприятии людьми теории эволюции и социальной роли женщины...

Philip Womack, Daily Telegraph

Это историческое фэнтези, написанное присущим Хардинг метким и оригинальным языком, повествует о викторианской эпохе и резонирует с нашей.

**Nicolette Jones,
The Sunday Times Children's Book of the Year**

«Дерево лжи» — это волнующий роман, который увлекает каждого, с роскошным языком и мощным, не отпускающим сюжетом.

Philip Womack, The Literary Review

«Дерево лжи» — фантастическая история. Это важная книга, и не только потому, что роман великолепен сам по себе, но и потому, что его главный посыл — как может сложиться жизнь девушки, которая не вписывается в свою эпоху. Это важный вопрос и в наше время.

**James Heneage,
председатель жюри премии Costa**

Новый роман Хардинг — это всегда событие.

Sunday Times

*Моему отцу. За его негром-
кую мудрость и честность,
а также за то, что он отно-
сился ко мне как к взрослому
человеку задолго до того, как
я им стала*

ГЛАВА 1

ИЗГНАНИЕ

Катер назойливо покачивался в тошнотворном ритме, и от этого возникало ощущение, словно кто-то расшатывает больной зуб. Едва видневшиеся сквозь туман острова тоже напоминают зубы, решила Фейт. Не идеальные белые зубы Дувра, а корявые желтовато-зеленые обломки, выступающие тут и там посреди взволнованного серого моря. Почтовый катер упрямо пыхтел по волнам, пуская в небо дым.

— Скопа, — проговорила Фейт, стуча зубами, и показала рукой.

Ее шестилетний брат Говард повернулся, но слишком медленно, чтобы увидеть, как в тумане исчезает большая птица со светлым туловищем и крыльями с темной окантовкой. Фейт поморщилась, когда он начал ерзать у нее на коленях. По крайней мере, он перестал требовать свою няню.

— Мы вон туда едем? — Говард прищурился, рассматривая призрачные острова перед ними.

— Да, Говард.

Над их головами по тонкой деревянной крыше стучал дождь. С палубы дул холодный ветер, обжигая лицо Фейт. Несмотря на шум вокруг, девочка могла поспорить, что слышит слабые звуки из ящика, на котором она сидела. Шорох, трение чешуйки о чешуйку. Фейт беспокоилась о запертом внутри цейлонском полозе — экспонате, принадлежащем отцу: змея ослабела от холода и инстинктивно свивалась в кольца при каждом крене.

За спиной Фейт громкие голоса соперничали с криками чаек и ударами огромных лопастей. Теперь, когда начался дождь, все сгрудилось под крошечным навесом на корме. Здесь хватило места для пассажиров, но чемоданов уместилась лишь часть. Мать Фейт, Миртл, делала все, чтобы отвоевать как можно больше места для семейного багажа, и ей сопутствовал успех. Украдкой бросив взгляд через плечо, Фейт увидела, как Миртл, словно дирижер, машет двоим грузчикам, устраивавшим под крышей чемоданы и коробки семейства Сандерли. Миртл была бледной от усталости и по самый подбородок закуталась в шаль, но, как обычно, разговаривала громко, приветливо и одновременно с самоуверенностью хорошенькой женщины, рассчитывающей на благородство окружающих.

— Благодарю... туда, прямо сюда... ох, мне и правда жаль это слышать, но ничего не поделаешь... положите на бок, пожалуйста... что ж, ваш чемодан выглядит

вполне прочным... боюсь, статьи и разработки моего мужа не выдержат влаги, поэтому... преподобный Эразмус Сандерли, знаменитый ученый... о, как любезно с вашей стороны! Я так рада, что вы не против...

В кресле рядом с ней дремал круглолицый дядюшка Майлз, своей беззаботностью напоминая щенка. Взгляд Фейт скользнул мимо него к высокому безмолвному силуэту. Отец Фейт был облачен в черный, как положено священнику, пиджак и широкополую шляпу, бросавшую тень на его высокий лоб и крючковатый нос.

Отец всегда вызывал у Фейт благоговение, смешанное со страхом. Сейчас он немигающим гипнотическим взглядом смотрел в серую даль, мысленно отгородившись от промозглого дождя, запахов судна и угольного дыма, мелких споров и недостойной его внимания толкотни. Чаще всего она видела его на кафедре, поэтому так странно было наблюдать его сидящим рядом. Сегодня она испытывала к нему сочувствие: он явно страдал, очутившись не в своей стихии, — намокший под дождем лев во второсортном шоу.

Миртл велела дочери сесть на самый большой ящик из их багажа, чтобы помешать другим пассажирам снова его передвинуть. Обычно Фейт удавалось избегать чрезмерного внимания — кого заинтересует четырнадцатилетняя девочка с невыразительными чертами лица и темно-русой косичкой? Сейчас же она морщилась под возмущенными взглядами, страдая от неловкости, совершенно, впрочем, не свойственной ее матери.

Маленькая фигурка Миртл занимала положение, препятствовавшее кому бы то ни было еще пристроить свой багаж под навес. Высокий крепкий мужчина с мясистым носом хотел протолкнуться мимо нее сзади со своим чемоданом, но она пресекла его попытку, резко обернувшись к нему с улыбкой. Миртл дважды моргнула, и ее большие голубые глаза расширились, излучая столь искреннюю симпатию, словно она только что рассмотрела незнакомца. Несмотря на порозовевший кончик носа, бледность и усталый вид, Миртл продолжала обезоруживать всех своей улыбкой.

— Я так благодарна вам за понимание, — сказала она слегка надломленно.

Это был один из ее приемов, чтобы подчинять мужчин своей воле, легкое кокетство, вырывавшееся наружу так же непринужденно, будто она открывала веер. Каждый раз, когда трюк срабатывал, желудок Фейт сжимался. Сейчас прием тоже подействовал. Джентльмен покраснел, коротко кивнул и отошел, но Фейт видела, что он остался недоволен. Фейт вообще подозревала, что ее семья восстановила против себя всех на борту.

Говард тихо боготворил свою мать, и когда Фейт была младше, она тоже души в ней не чаяла. Редкие визиты Миртл в детскую оказывались бесконечно волнующими, Фейт даже любила, когда ее причесывали, одевали и всячески суетились над ней, чтобы придать ей подобающий вид перед приходом очередного посетителя. Миртл казалась существом из другого мира,

милым, веселым, прекрасным и неосязаемым, солнечной нимфой с врожденным чувством стиля.

Однако в последний год Миртл решила «взяться за Фейт» — она стала неожиданно прерывать ее занятия и, повинувшись импульсу, брать с собой в гости или в город за покупками, чтобы потом вновь оставить дочь в детской или в школе. Тесное общение на протяжении этого года сыграло злую шутку: Фейт обнаружила, что позолота стерлась. Девочка почувствовала себя тряпичной куклой, которую сначала хватают, а затем забывают, повинувшись сиюминутной прихоти.

Толпа перестала напирать. С чувством глубокого удовлетворения Миртл устроилась на трех чемоданах, составленных друг на друга, рядом с ящиком Фейт.

— Очень надеюсь, что в доме, который снял для нас мистер Ламбент, будет приличная гостиная, — произнесла она, — и сносная прислуга. Повариха ни в коем случае не должна быть француженкой. Вряд ли я смогу управлять хозяйством, если кухарка, чуть что, будет говорить, что не так поняла меня.

Голос Миртл не был неприятным, но он струился, струился и струился, не умолкая. В последний день ее болтовня стала постоянным спутником семьи, она изливала свои речи на извозчика в наемном экипаже, который вез их на вокзал, на грузчиков, укладывавших их багаж в лондонский поезд, а потом поезд в Пул, на угрюмого сторожа гостиницы, где они провели ночь, и капитана этого закопченного почтового судна.

— Зачем мы туда едем? — перебил Говард свою мать. Его глаза осоловели от усталости. Он был на распутье: то ли уснуть, то ли разреветься.

— Ты же знаешь, милый, — Миртл подалась вперед и рукой, затянутой в перчатку, аккуратно убрала влажную прядь с глаз Говарда, — на этом острове есть несколько важных пещер, где джентльмены обнаружили десятки необычных окаменелостей. Никто не знает об окаменелостях больше, чем твой отец, поэтому его пригласили посмотреть на них.

— Но зачем *мы* туда едем? — настойчиво повторил Говард. — Он не брал нас с собой в Китай. И в Индию. И в Африку. И в Монгию. — Последнее было едва ли не лучшей его попыткой произнести слово «Монголия».

Это был хороший вопрос, и, вероятно, им задавались многие. Вчера по всем домам прихода Сандерли вихрем прямоугольных белых снежинок разлетелось множество открыток с извинениями и запоздалыми отменами визитов. К сегодняшнему дню известие о неожиданном отъезде семьи уже распространилось, как пожар. На самом деле Фейт и сама не прочь была услышать ответ на вопрос Говарда.

— О, в те места мы никак не могли поехать! — заявила Миртл. — Змеи, лихорадка, люди, поедающие собак. А это совсем другое. Это как маленькие каникулы.

— Нам пришлось уехать из-за человека-жука? — спросил Говард, сооротив серьезную гримаску.

Преподабный, не подававший виду, что слушает разговор, внезапно втянул воздух через нос и с неодобрительным шипением выдохнул. Затем поднялся.

— Дождь стихает. И здесь так тесно, — заявил он и вышел на палубу.

Миртл поморщилась и покосилась на дядюшку Майлза, сонно потиравшего глаза.

— Вероятно, мне... э-э... стоит тоже совершить небольшой моцион*. — Дядюшка Майлз бросил взгляд на сестру, приподняв брови, разгладил усы и вышел из салона следом за зятем.

— Куда пошел отец? — завопил Говард, изгибая шею, чтобы выглянуть в дверь. — Можно мне с ним? Где мой пистолет?

Миртл, нахмурившись, прикрыла глаза и зашевелила губами, вознося безмолвную молитву, чтобы Бог дал ей терпения. Вскоре она открыла глаза и улыбнулась Фейт.

— О, Фейт, ты моя единственная опора. — Она всегда одаривала Фейт такой улыбкой, ласковой, но с намеком на усталость и смирение. — Может, ты и не самая веселая компания... но по крайней мере ты никогда не задаешь вопросов.

Фейт выдавила из себя подобие улыбки. Она знала, кого Говард подразумевал под человеком-жуком, и подозревала, что его вопрос был опасно близок к цели. В течение последнего месяца их семья словно

* Моцион — ходьба, прогулка для укрепления здоровья или для отдыха.

погрузилась в промозглый туман невысказанного. Косые взгляды, шепот за спиной, слегка необычное поведение окружающих и вежливо обрубаемые связи. Фейт заметила перемены, но не могла понять причину. А потом, одним воскресным днем, когда семья возвращалась из церкви, к ним подошел мужчина в коричневой фетровой шляпе. Он представился — с поклонами, расшаркиваниями и улыбкой, не задевавшей, однако, глаза. Он работает над научной статьей о жуках, и не соблаговолит ли преподобный Эразмус Сандерли написать предисловие? Преподобный не соблаговолит, мало того, его возмутила такая настойчивость. По его мнению, тот «злоупотреблял знакомством» вопреки всем правилам приличий, и в конце концов преподобный так ему и сказал. Улыбка исследователя жуков погасла. Фейт до сих пор помнила его слова, полные тихой злобы: «Прошу прощения, что решил, будто ваша любезность под стать вашему интеллекту. Слухи о вас распространяются быстро, преподобный, и я предположил, что вы обрадуетесь коллеге, который все еще хочет пожать вам руку».

При воспоминании об этих словах Фейт снова похолодела. Она не могла представить, чтобы кто-то посмел так оскорбить ее отца прямо в лицо. И что хуже всего, преподобный отвернулся от незнакомца в безмолвной ярости и не потребовал объяснений. Ледяной туман подозрений Фейт начал принимать неясные очертания. О них сплетничали, и отец знал предмет слухов.

Миртл ошиблась. Фейт была переполнена вопросами, которые извивались и рвались наружу, словно змея в ее ящике. «Но я не могу. Я не должна поддаваться *этому*». В сознании Фейт всегда было *это*. Она никогда не давала ему имени, опасаясь, что *это* возьмет над ней еще большую власть. *Это* было тем, чему она всегда поддавалась. *Это* было полной противоположностью Фейт — той Фейт, какой ее знал весь мир. Хорошей девочке Фейт, опоре своей матери. Надежной, скучной, верной Фейт.

Сложнее всего ей было сопротивляться неожиданным возможностям, которые предоставляла ей судьба. Небрежно брошенному конверту, откуда выглядывал краешек письма, аккуратный и такой соблазнительный. Незапертой двери. Чужому разговору, подслушанному, когда дверь беспечно оставили незапертой.

Ее всегда снедал голод, а девочки не должны быть голодными. Они должны аккуратно клевать за столом свои изящные порции, их разум тоже должен пресыщаться скромной диетой. Несколько тоскливых уроков с сонной гувернанткой, скучные прогулки, пустое рукоделие. Но этого было недостаточно. Знание — любое знание — манило Фейт, и в том, чтобы поглощать его незаметно для других, была масса запретного наслаждения.

В данный момент ее любопытство свелось к одному предмету, и удовлетворить его следовало как можно более срочно. Именно сейчас ее отец и дядюшка Майлз

могли беседовать о человеке-жуке и о причинах их срочного отъезда.

— Мам, можно мне немножко погулять по палубе? Мой желудок... — Фейт сама чуть не поверила собственным словам. Ее внутренности и правда жгло, но от возбуждения, а не от качки.

— Ладно, только ни с кем не разговаривай. Возьми зонт, постарайся не упасть за борт и долго не гуляй — простудишься.

Фейт медленно пошла вдоль борта, по ее зонтику барабанил мелкий дождь. И она мысленно призналась, что снова поддавалась *этому*. Волнение подогривало ее кровь и болезненно обострило все чувства. Как ни в чем не бывало она вышла за пределы видимости матери и Говарда, потом сделала вид, будто любит морем, прекрасно зная, что пассажиры заскользили по ней изучающим взглядом. Но вот один за другим взгляды стали терять интерес.

Пора! Никто не смотрит. Она быстро пересекла палубу и скрылась среди ящиков, составленных у основания вибрировавшей дымовой трубы, выцветшей на солнце. В воздухе был разлит запах соли и греховности, заставляя ее чувствовать себя живой. Она невидимкой скользила от одного ящика к другому, подобрав юбки, чтобы они не развевались на ветру и не выдали ее. Широкие ступни, такие неизящные, когда их пытались обуть в модные туфли, ступали по доскам неслышно — такое поведение явно было им привычно. Наконец Фейт